

Элоквенция Видение первое.

Низкий сводчатый потолок. Случайная декорация. Помещение вроде пивной. Стойка бара с парой кранов для разливного пива. За стойкой полка с пивными кружками. Полка затянута мелкой паутиной. Новой паутины нет, старая провисла. Пива нет. Движения воздуха нет. Столиков для посетителей тоже нет. В глубине зала небольшая сцена. На стене надпись: *Werde, der du bist*. Перевод не ясен: то ли стань, кем ты есть, то ли уже будь, кем ты есть. Предрассветный блик рассеян в пространстве, но достаточно светло, чтобы разглядеть отдельных посетителей, одетых в разное, но без причуд. Действие происходит на авансцене и на эстраде.

Агиенко Александр Фёдорович — Святогор, поэт-вулканист, анархист-биокосмист, теолог Свободной Трудовой Церкви, позднее марксист-ленинист и воинствующий безбожник.

Бальмонт Константин Дмитриевич — поэт символист, дважды эмигрант, несостоявшийся Нобелевский лауреат по литературе.

Гумилёв Николай Степанович — поэт, литературный критик, создатель школы акмеизма и объединения «Цех поэтов».

Иванов Георгий Владимирович — литературный критик, в юности поэт акмеист.

Лотарёв Игорь Васильевич — Игорь-Северянин, поэт, бывший эго-футурист.

Маяковский Владимир Владимирович — поэт кубофутурист, советский активист.

Придворов Ефим Алексеевич — Демьян Бедный, сын содержательницы притона, люмпен, воинствующий-безбожник, советский поэт.

Ярославский Александр Борисович — поэт биокосмист-иммортиалист.

Серая и безличная массовка.

* * *

Иванов. А что, Игорь Васильевич, мне этот девиз что-то напоминает.

Игорь-Северянин. (Не отвечает, только обиженно сопит).

Иванов. Ах, ваше величество король поэзии, да вы обидчивы!

Игорь-Северянин. А это как вам будет угодно, милостивый государь.

Иванов. Бросьте, Игорь, будете дуться как мышь на крупу, опоздаете на пароход.

Бальмонт. (Со сцены.)

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведёт по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злomu,
Ярко стремимся мы...

Маяковский. Правильно мы его сбросили с парохода современности.

Игорь-Северянин. Бросили.

Маяковский. О чём это вы, шатенный трубадур?

Игорь-Северянин. Забыли наш давний спор? Бросили.

Маяковский. Какой спор? Я с вами отродясь ни о чём не спорил. Вы сами себя вычеркнули из современности, (насмешливо) господин просто дачник.

Игорь-Северянин. Вы ничего об этом не можете знать. Вы фантазёр.

Иванов. Володя, здесь все об этом знают. Вы же сами спорили о том, как написать «сбросить» или «бросить». Либо вы сбрасываете Бальмонта с парохода современности, потому что он там есть изначально, либо бросаете его с верхней палубы, предварительно затащив туда. Однако с Пушкиным вы погорячились.

Игорь-Северянин. (Мстительно улыбаясь.) Мерси, господин Иванов.

Бальмонт. (Со сцены.)

Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, ещё, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно — молодое.
В этом завет Красоты!
(Кланяется в ответ на жидкие аплодисменты.)

Маяковский. Жидкое трудно бросить, его можно только вылить. Или слить? Слить или вылить? Запутался!

Игорь-Северянин. (Цитирует самого себя.) Коростеля владимирских полей жизнь обрядила пышностью павлиньей. Во всём преувеличенно-возвышен, а сходство внешнее с испанским грандом, и творчество, глушащее жаз-бандом.

Иванов. Когда это вы успели переменить о нём своё мнение? А как же вот это:

Он тот поэт, который тусклым людям
Лученье дал, сказав «Как солнце, будем!»
И рифм душистых бросил вороха.

Игорь-Северянин. А в чём собственно проблема, господин критик?

Иванов. Ну как же! Вы же никогда не правите свои поэзы. Как говорить, что выпелось, то и выпелось.

Игорь-Северянин. Нельзя поэта воспринимать буквально. Что касается Бальмонта, то на освежении стиха настояла Любовь Никитична. Я не смог ей отказать, хотя Бальмонт многословен и нестерпимо пышен, но всё же он поэт, а не ремесленник как некоторые тут.

Маяковский. Не вижу ничего дурного в том, чтобы превратить поэзию в ремесло, а строчки в рубли.

Игорь-Северянин. Я ни разу в жизни не замарал рук казённой службой, а вы... Вы,

Маяковский, настоящий большевизан!

Иванов. Не петушитесь, друзья! Кстати, Игорь Васильевич, сколько Любовь Столица отвалила вам за Бальмонта в «Золотом петушке»? В рублях или в твёрдой валюте?

Игорь-Северянин. Гонорар был в румынских леях, если вас так интересует меркантильная сторона дела.

Святогор. Кто здесь поминал петуха?

Игорь-Северянин. В смысле шантеклера?

Святогор. Нет, петуха в смысле петуха.

Иванов. Оригинально, чёрт побери, петух в роли петуха!

Святогор. Это не просто петух, это вещая птица. Петух возвещает восход солнца. Его священное кукуреку очищает мир от ночного тлена и кошмарит сумеречные силы.

Маяковский. Как вас там, человек, ваш петух — это только петух. Но должен признать, что на стол он попадает только, когда перестаёт топтать кур.

Святогор. Послушайте.

Я, глашатай, на суку.
Ваше ухо тяжело, —
Но пою «Кукуреку»
На уснувшее село.

В плоскость улеглась страна,
Лишь один я на суку,
Тяжела, грузна она, —
Но кричу «Кукуреку».

Я неведом, одинок,
Но, ведь, доблесть — казаку:
Крик мой верен и глубок —
Все одно «Кукуреку».

Маяковский. Пророк в стране советской — это я. Я один, слышите, человек, я один имею право на вещее кукуреку! И никаких петухов! Это понятно? Кстати, Иванов, как будет правильно «кукуреку» или «какуреку»?

Иванов. Извольте. В каждой стране петух кричит по-разному. Например, турецкий петух кричит үй-үй-үй! В Италии — chicchirichì. В Норвегии...

Маяковский. Стоп-стоп-стоп, господин всезнайка! Как петух кричит по-русски?

Иванов. По-русски правильно: ку-ка-ре-ку. Ку-ку-рику — это, кажется по-сербски.

Святогор. Я не человек, не половой в трактире, я — Святогор.

Маяковский. Тоже мне богатырь!

Иванов. А как, простите ваше имя-отчество будет.

Святогор. Александр Фёдорович.

Иванов. Вы чьих будете, Александр Фёдорович?

Святогор. Я поэт в прошлом биокосмист. Исповедовал личное воскрешение. Разочаровался. На старости лет уверовал в марксизм-ленинизм.

Иванов. И как?

Святогор. Что «икак»? Ах, да! Расстреляли в тридцать седьмом, чтобы другим неповадно было.

Игорь-Северянин. Простите, я не в курсе: за что с вами так? Что значит биокосмист и марксист-ленинист?

Святогор. Как биокосмист — я вселенский шпион. Как марксист-ленинист — оборотень. Так сказать, советский вурдалак на службе у вселенского разума.

Игорь-Северянин. (Пристыженно молчит, держит паузу. Наконец, осторожно.) И за это у вас расстреливают?

Маяковский. (Радостно.) У нас расстреливают. А я вот не стал дожидаться и сам распорядился. В смысле ликвидировался. И знаете, не прогадал. Я теперь классик наравне с Пушкином и Достоевским. У меня в Москве есть именная площадь и бронзовый памятник. А ещё есть собрание сочинений! Тиражи миллионные! Я теперь сам могу сигать с любого парохода!

Игорь-Северянин. (В сторону.) Шпана.

Гумилёв. (С эстрады.)

О, что за скучная забота
Пусканье мыльных пузырей!
Ну, так и кажется, что кто-то
Нам карты сдал без козырей.

В них лучезарное горенье,
А в нас тяжелая тоска —
Нам без надежды, без волнения
Проигрывать наверняка.

О нет! Из всех возможных счастья
Мы выбираем лишь одно,
Лишь то, что синим углем страсти
Нас опалить осуждено.

Иванов. Кто ж знал, что Гумилёв так прославится посмертно?

Игорь-Северянин. Судьба. Я вот прославился ещё при жизни. А потом забвение в России, потому что белый, в Европе — розовый, потому что не выл в антисоветском хоре. А я в натуре фиолетовый как сирень. Я соловей. Я без тенденций. Я в политике не разбираюсь. Моё дело

петь.

Иванов. Справедливо, Игорь-Васильевич. На роль пророка не претендуете, и уже хорошо.

Маяковский. Что слава Гумилёва по сравнению с моей!

Игорь-Северянин. Забвение будет столь же оглушительным. Стихозопотрохи забудутся, выживет одно «Облако в штанах».

Иванов. Порнуха в стиле ретро. Сейчас это в тренде. На богохульников всегда есть спрос.

Демьян Бедный. Что вы там бухтите, Иванов? Бога нет, вы — Иванов-второй, и первым вам не быть!

Маяковский. Угомонитесь, товарищ Бедный! Если вас терпят в приличном обществе, то не потому, что вы байстрюк и не потому что мамаша ваша была бандершей, а...

Демьян Бедный. Не трогайте мать! Она всю жизнь тяжело трудилась!

Иванов. (В сторону.) Ага, трудилась. В борделе. Вот вы, Ефим Алексеевич, обиделись на украинизм байстрюк, по сути термин, обозначающий безотцовщину по разным причинам. Выблядок, наёбышь, курвёнок, сучонок, то есть ребенок нагулянный девицей лёгкого поведения. Вы уж определитесь, чей вы сукин сын. Самому легче станет. Одно дело байстрюк и другое — сын содержательницы борделя.

Игорь-Северянин. А в чём собственно разница разница?

Маяковский. В одном случае социально близкий, в другом — выходец из мелкобуржуазной среды. (Насмешливо.) Бедный, вам как больше нравится: выблядок или непопутчик?

Демьян Бедный. Сам ты выблядок, Володя. Если бы не я, хрен бы тебе памятник поставили. Тебе памятник, а меня на парашу. Такой вот был расклад. Но даже на параше я сохранил верность Сталину.

Иванов. Вы и теперь в жизнь вечную не веруете, Ефим Алексеевич? Ваше нутро крестьянское не бунтует в ночь предвечной?

Демьян Бедный. Параша по вам плачет, господин хороший. Вас бы в лагерь, да на парашу.

Иванов. Ефим Алексеевич, креста на вас нет! Ну пошарили вас из партии, так не на парашу же. И скончались вы не на нарах, а в номенклатурном подмосковном санатории. И не щепки вы таскали с лесоповала, а в голодный год мебели дорогие, у буржуев наворованные, распродавали.

Ярославский. Кто тут всеу парашу поминает? Неужто Ефим Алексеевич? Параша — это свято, господа. Кстати, вас там на сцене заждались. Поспешите, третий раз звать не будут.

(Демьян Бедный уходит в сторону сцены.)

Ярославский. Когда Горький к нам на Соловки приезжал, повнезли агитационной литературы. Всё на самокрутки разобрали, а демьяновыми стишатами побрезговали. Отдали книжку крысе на гнездо, так и она брезгливой оказалась. В холодную ночь на растопку пошла.

Горела таким фиолетовым пламенем, аж жуть. А давайте-ка послушаем автора!

Демьян Бедный. (Со сцены.)

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли продолженье?
Как сказать? Идёт сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь – допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немного пил,
Смертью грех свой искупил.

Ярославский. Такие вот у нас безбожники с крестом на груди на всякий случай. Говнецо, а не мужик. Мне рассказывали, что он завел себе дневничок, куда записывал оскорбительные характеристики на товарищей из правительства и политбюро. Дневничок случайно нашёлся и был показан Сталину. Тот посмеялся, но в конце прочёл, про себя, что оставляет на книгах из библиотеки Демьяна следы сальных пальцев.

Иванов. А вы откуда это знаете? Вас к тому времени уже...

Ярославский. Есть тут пара (оглядывается) компетентных товарищей. О! Николай Степанович, уделите нам внимание!

Гумилёв. Кто сей скушный пиит на сцене?

Ярославский. Фима Придворов он же Демьян Бедный. Поц конченный, ну да не о нём речь. Я всё спросить хотел, как вас-то угораздило в первых рядах на шлёпку?

Гумилёв. Северянин подставил.

Ярославский. Не может быть! Его же и в России уже год, как не было.

Гумилёв. Не сам, конечно. Подогнал мне своего пажа Башкирова, а тот у меня в прихожей забыл свёрток с прокламациями. А тут дело Таганцева подвернулось. Допросили как свидетеля и обыск на всякий случай учинили, ну и свёрток в прихожей нашли. И соскочить не получилось. У профессора нашли список, а в нём моё имя.

Ярославский. Слышал разное, но, чтобы список контрреволюционной боевой организации...

Гумилёв. Мне список не показывали. Сказали, что есть.

Иванов. Серёжа Бобров рассказывал, что на шлёпке вы вели себя с достоинством.

Гумилёв. Чего уж там! Вывели из камеры. Долго везли куда-то. На месте позволили выкурить папироску. А дальше всё быстро: чик и уже на небесах...

Игорь-Северянин. Вы ошибаетесь на счёт Башкирова. Борис не давал мне повода усомниться

в нём. Помнится, я возвёл его в достоинство Принца сирени при Короле поэтов.

Иванов. Хорош принц! Чекист и кокаинист.

Игорь-Северянин. Поэт, разумеется, никакой, но в свите Короля поэтов другие поэты и не нужны. Что касается остального: я знал его близко и не верю вашей аттестации. Я любил его за преданность:

Вы — Принц Фиолевой Сирени
И друг порхающей листвы
Весенней осени, осенней
Весны нюанс познали Вы...

Святогор. Не будем о грустном. Мне тоже есть, что рассказать про собственную шлёпку. И

Ярославскому тоже есть чем поделиться. Я теперь со всей очевидностью могу подтвердить, когда искусство с нами, то и Бог за нас.

Иванов. Это не ваш лозунг, Александр Фёдорович. Впрочем, если это признание факта, то и не плагиат вовсе. Мы начали разговор с цитаты из Фридриха Ницше «Werde, der du bist», что красуется на сцене.

Святогор. Это Пиндар. Древнегреческое «Génoi 'oíos essi mathón». Ницше перевёл словами «Werde, der du bist», то есть стань тем, кто ты есть или будь им.

Ярославский. При жизни я бы многое отдал, чтобы узнать кто я есть на самом деле. У меня жена была анархистка, так вот она точно знала, кто она есть — ЖЕНА ПОЭТА и вела себя как декабристка. Не в ссылку, в лагерь за мной пошла на протезах, на смерть пошла и на шлёпке не дрогнула.

Игорь-Северянин. Я никому не рассказывал, но именно Пиндар в молодости подсказал мне как правильно вести себя на сцене и как следует читать стихи в соответствии с древнегреческой теорией мелики.

Ярославский. Что ещё за хрень?

Игорь-Северянин. Пиндар распевал свои стихи на определённую мелодию. Это было модно.

Ярославский. И как же?

Игорь-Северянин. Я выпевал свои стихи на мотив полонеза Филины. Предвижу критику. На критику я не отвечаю прозой, уж не взыщите:

Все знают, как Давид Давидыч
Читает: выкриком, в лорнет
Смотря на публику, и нет
Смешного в гамме этих выдач
Голосовых; в энтузиазм
Бурлюк приводит зал. И злобно,
Чеканно и громopodobно,
Весь мощь, спокойно и без спазм
Нервических, по залу хлещет
Бас Маяковского. Как я
Стихи читаю, знает точно

Аудитория моя:
Кристалльно, солнечно, проточно.

Маяковский. Злобно — это ты точно подметил. Я тогда не имел практики и трусил отчаянно. Отсюда злость, но не на зал, на себя.

Игорь-Северянин. Тебе виднее.

Святогор. Вот вы в молодости спорили «бросить» или «сбросить». Что теперь думаете про «быть» и «стать»?

Игорь-Северянин. Я за «стать», хотя настоящие поэты сразу «быть». Я был сразу. Володя, и я это признаю, стал.

Маяковский. (Иронично.) И на том спасибо, друг.

Гумилёв. Пиндар в интерпретации Ницше не имеет строго определённой интерпретации. Я, например, был тем, кто я был. Между тем я знал многих, не удостоенных чести стать теми, кто они были на самом деле. Если перефразировать Северянина, то это были трагедии жизни, так и не претворённые в грёзофарс.

Маяковский. Станным образом после выстрела я оказался в одной шеренге с теми, кого в молодости бросал с Парохода современности. Выходит, что я спрыгнул с парохода вместе с ними. Ваше «быть» и «стать» — это словоблудие. Я есть, и это непреложно.

Иванов. Я в молодости увлекался техникой, правда совсем чуть-чуть. Чтобы двинуться вперёд, надо преодолеть инерцию покоя. Одного таланта мало, нужна работа над собой. Для того, чтобы кем-то быть, надо сначала кем-то стать. На мой взгляд сразу быть — это скучно. Известно, что *tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux* — все жанры хороши, кроме скучного. С Вольтером не поспоришь.

Ярославский. У меня есть несколько строк на эту тему. Погодите, сейчас припомню...

Что там ещё говорят ханжи?
Будто любовь, а тела — не надо?
Каждый бандит готовит ножи
За единый намёк любимого взгляда.

И, может быть, именно в этот миг,
Который выше речей и риторик,
Где даже профессор в любви велик,
Отметит какой-нибудь новый историк.

Так пусть же они там про похоть не врут,
Что это де, мол, «очень грязная штучка».
Пойми, никакой добродетельный труд
Не сделал того, что простая случка.

Ведь только впервые пошляк сознает,
Что он единственный, что он отдельный,
Когда он тело своё сплетёт
С телом другим в истоме похмельной.

Погодите! (Машет на Игоря-Северянина рукой.) Я вспомнил финал:

Не всем расплёскивать жемчужный бокал;
Не всем восторженность солнечного лоска.
Вам, творящим человеческий материал,
Моё благословение из лаборатории мозга.

Вы, совокупляющиеся во вселенской ночи,
Усталые от тусклого и бесцельного страдания —
Кладите упорно человечьи кирпичи,
Мы из них построим космическое здание.

Благословляю весь мир, как отец:
В нем вечно прекрасны свершенья.
И каждая самка, и каждый самец
Нужны нам в игре творенья.

Игорь-Северянин. Господин Ярославский, не имел чести знать вас при жизни, но в моём эстляндском отшельничестве принял вас за своего эпигона. То, что вы прочли нам — это фокстротт, это кровать, поставленная вертикально в самый роковой момент покупной любви. Я не терплю фокстротт.

Гумилёв. А жаль. Есть интересные философские обобщения.

Игорь-Северянин. Обобщения есть, а поэзии нет.

Святогор. А вы, мэтр, капризный.

Игорь-Северянин. Я король, а не метр плотницкий.

Иванов. (Прислушавшись). Этот крик, то, что я думаю?

Святогор. Это петух.

Петух. Ку-ка-ре-ку!